ческие термины „Слова“ представлены в виде гиперболизма („гиперболизм географических перечислений“), причем не делается и попытки анализа этого „гиперболизма“. А между тем такой памятник, как „Слово о погибели Русской земли“, заслуживает иной оценки, уже в силу того пламенного патриотизма, который звучит во всех строках этого произведения, прославляющего Русскую землю („о светло светлая и украсно украшена земля Руськая“) в годы ее бедствий. Спрашивается, исчерпаны ли все средства литературно-исторического анализа для установления, более или менее точно, времени появления „Слова о погибели“ как выдающегося памятника русской литературы, нельзя ли как-нибудь объяснить „гиперболизм географических перечислений“ этого произведения, увидеть в этом перечислении не просто сухой перечень, а реальные географические приурочивания, вполне осмысленные автором „Слова“? Нельзя ли, наконец, по-новому поставить вопрос и о происхождении самого „Слова о погибели Русской земли“? Вот те мысли, которые побудили автора данной статьи углубиться в область древне-русской литературы. А как много еще можно сделать в этой области, показывают работы В. И. Малышева,[1] открывшего новый список „Слова о погибели“. Поэтому и пересмотр вопроса о времени возникновения „Слова о погибели Русской земли“ представляется вполне своевременным и законным.

Редко можно найти такое произведение, в котором в нескольких строках было бы дано столько географических названий, как в „Слове о погибели Русской земли“. Автор „Слова“ точно раскрывает перед читателем карту Русской земли в первой половине XIII в. и последовательно называет ее соседей. Он бросает свой взор на эту карту „отселе“, так и не раскрывая перед нами, что это за место, откуда — „отселе“ — он ведет свой обзор русских рубежей. Попробуем последовать за автором „Слова“ и изучить границы Русской земли, так, как они ему представлялись.

Автор начинает свой обзор „отселе до Угор и до Ляхов, до Чахов, от Чахов до Ятвязи, и от Ятвязи до Литвы, до Немець, от Немець до Корелы, от Корелы до Устьюга, где тамо бяху Тоимици погании, и за Дышючим морем, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртас, от Буртас до Чермис, от Чермис до Мордви“. Первая часть этого перечисления почти не нуждается в комментарии. Автор в полном соответствии с действительностью перечисляет западных соседей Русской земли с юга на север. Удивление вызывает только упоминание „чяхов“ или чехов в качестве соседей Русской земли, какими они в XIII в. не были. Уже эта неточность заставляет несколько усомниться в возможности южнорусского происхождения „Слова о погибели“.

Дав перечисление западных соседей Русской земли, автор „Слова“ называет и ее северных соседей. Северная граница Руси идет от

[1] В. И. Малышев. Житие Александра Невского по рукописи середины XVII века. Тр. Отд. др.-русск. лит., т. V, М.—Л., 1947, стр. 185—193.